

DOI: 10.31857/S086919080025414-2

СОЗДАНИЕ ДУНГАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СССР:
МЕЖДУ «СОВЕТИЗАЦИЕЙ» И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМ РАСЧЕТОМ,
1920–1930-е гг.

© 2023

Ф.Л. СИНИЦЫН ^a

^a – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2299-204X; permcavt@gmail.com

Резюме: В 1920-х – 1930-х гг. в центральноазиатских республиках СССР проживали, по разным данным, от 20 тыс. до 30 тыс. дунган. Был взят курс на создание дунганского алфавита на основе латинской графики. В 1928 г. был утвержден дунганский алфавит на «общесоветской» основе. Однако в начале 1930-х гг. было принято решение о необходимости изменения дунганского алфавита – в первую очередь, из-за необходимости решения проблемы «унификации» этого алфавита – на «общесоветской» или на «английской» основе, на которой базировался разработанный в СССР китайский алфавит. В июле 1932 г. на конференции в г. Фрунзе был принят новый вариант дунганского алфавита, который, однако, с китайским унифицирован не был и остался в рамках «общесоветского» стандарта. Вопрос о политической важности унификации дунганского и китайского алфавита вновь поднимался и в последующие годы. Тем не менее в итоге победила точка зрения оставить дунганский алфавит в имеющемся виде, т.е. на основе «общесоветских» стандартов. В целом противоречивость подходов к дунганскому языку и алфавиту проявила себя в постоянных попытках советских структур, занимавшихся «языковым строительством», удержать баланс между внутривнутриполитическими и внешнеполитическими целями. Однако такие метания фактически не привели к какому-либо результату. Изменение ситуации в Китае после 1937 г. привело к окончательному отказу от унификации дунганского и китайского алфавитов. В то же время к концу 1930-х гг. в СССР потеряла актуальность и проблема латинизации письменности. В 1953 г. был принят новый дунганский алфавит на русской основе, которым этот народ пользуется до сих пор.

Ключевые слова: дунгане, алфавит, латинизация, Китай, Киргизия, Казахстан.

Для цитирования: Синицын Ф.Л. Создание дунганской письменности в СССР: между «советизацией» и внешнеполитическим расчетом, 1920–1930-е гг. *Восток (Oriens)*. 2023. № 4. С. 187–197. DOI: 10.31857/S086919080025414-2

CREATION OF DUNGAN WRITING IN THE USSR: BETWEEN
‘SOVIETIZATION’ AND PRAGMATIC FOREIGN POLICY, 1920s–1930s

© 2023

Fedor L. SINITSYN ^a

^a – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0003-2299-204X; permcavt@gmail.com

Abstract: In the 1920s – 1930s, about 20 000 – 30 000 Dungans lived in the Central Asian republics of the USSR. An initiative to create a Dungan alphabet based on Latin graphics had

been launched, and in 1928 the alphabet was developed and adopted on the 'all-Soviet' basis. However, in the early 1930s, it was decided to change the alphabet – first of all, because of the need to solve the problem of alphabet unification either on the 'common Soviet' or on the 'English' basis, on which the Chinese alphabet developed in the USSR had been based. In July 1932 a new version of the Dungan alphabet was adopted, which, however, was not unified with the Chinese one. Meanwhile, the political importance of unifying both alphabets was articulated again in subsequent years. Nevertheless, the authorities chose the variant of the Dungan alphabet based on the 'all-Soviet' standards. Such inconsistency of approaches stemmed from constant attempts taken by Soviet structures engaged in 'language building' to maintain balance between domestic and foreign policy goals. However, such indecision, in fact, did not yield any results. The change of the situation in China after 1937 led to ultimate rejection of the unification of the Dungan and Chinese alphabets. On the other hand, by the late 1930s, the Latinization of writing has also lost its relevance in the USSR. In 1953, a new Dungan alphabet based on the Russian writing, still used by this ethnic group, was adopted.

Keywords: Dungans, alphabet, Latinization, China, Kyrgyzstan, Kazakhstan.

For citation: Sinitsyn F.L. Creation of Dungan Writing in the USSR: Between 'Sovietization' and Pragmatic Foreign Policy, 1920s–1930s. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 187–197. DOI: 10.31857/S086919080025414-2

Дунгане – потомки представителей китаеязычного, исповедующего ислам народа хуэй¹, оказавшихся в пределах Российской империи в конце XIX в. Ныне они проживают в основном в Киргизии и Казахстане, и их общая численность составляет более 150 тыс. чел. До Октябрьской революции дунгане пользовались иероглифической либо арабской письменностью.

В целом вопрос о реформе письменности в разных странах актуален по сей день – в последние десятилетия на латиницу перешли азербайджанский, молдавский, узбекский и туркменский языки, готовится перевод на нее казахского языка. История разработки и внедрения дунганской письменности в СССР фрагментарно изучена в ряде публикаций, однако еще не стала предметом отдельного исследования. Источники, использованные при проведении исследования, представленного в данной статье, включают опубликованные материалы и документы из фондов ГАРФ, РГАСПИ и Архива РАН.

ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗРАБОТКИ ДУНГАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В 1920-х – 1930-х гг. в центральноазиатских республиках СССР проживали, по разным данным, от 20 тыс. до 30 тыс. дунган [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 82; д. 578, л. 27; РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 510, л. 1]. Как и повсюду в стране, среди дунган была развернута программа ликвидации неграмотности – вначале на основе арабской графики. В 1928 г. группой учившихся в Ташкенте дунганских студентов был экспериментально предложен новый дунганский алфавит на арабо-персидской основе [Завьялова, 2017, с. 20]. Однако к этому времени в СССР по политическим, «техническим» и иным мотивам уже был взят курс на латинизацию письменности, построенной на арабской графике, которая рассматривалась как «отсталая», «неудобная», «сложная». В отношении дунганской письменности считалось, что ее перевод на латинскую основу не станет проблемой, ввиду

¹ Подавляющее большинство хуэй проживает в Китае.

изначально низкого уровня грамотности дунган на арабском алфавите [АРАН, ф. 358, оп. 1, д. 47, л. 8; ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 21; д. 977, л. 15].

Инициаторами латинизации опять-таки стали дунганские студенты, учившиеся в Ташкенте [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 82]. Закономерно, что почти сразу эту деятельность взял под свою опеку Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА), который в 1926 г. обратился в Академию наук СССР с просьбой оказать помощь дунганам в составлении алфавита. На эту просьбу откликнулись советские лингвисты Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, В.М. Алексеев и А.А. Драгунов, которые, однако, не были знакомы с дунганским языком [Калимов, 1980, с. 122]. Тем не менее Научный совет ВЦК НТА решил ускорить создание и утверждение дунганского алфавита [Чобан-Заде, 1928, с. 24–26]. К этой работе были привлечены Киргизский НИИ языка и письменности [Маджун, 2021, с. 48–49] и Наркомпрос Киргизии, при котором работала «дунганская группа» (Я. Джон – заведующий единственной дунганской школой, находившейся во Фрунзе, и инспектор Наркомпроса Киргизии по делам дунган, К. Маев, Д.А. Абдуллин, Х. Ибрагимов, Я. Шиваза, Ю. Яншансин и др.) [Юсупов, 1977, с. 149].

На 2-м пленуме ВЦК НТА, который был проведен в январе 1928 г. в Ташкенте, представители дунганского актива представили два проекта алфавита – разработанные Киргизским комитетом нового алфавита и группой студентов [Чобан-Заде, 1928, с. 25]. Было решено принять за основу первый проект [Стенографический отчет, 1929, с. 20], предлагавший для дунган принятый в СССР за стандарт «унифицированный тюркский алфавит». В июне 1928 г. на заседании президиума ВЦК НТА в Баку об этой работе доложил Я. Джон [Чобан-Заде, 1928, с. 25], после чего было принято решение «практически приступить к работе среди» дунган [ГАРФ, ф. 1235, оп. 123, д. 19, л. 16].

В ходе дальнейшей проработки алфавита не возникло серьезных проблем и дискуссий. За основу дунганского литературного языка в СССР был выбран ганьсуйский диалект², «как наиболее распространенный и общественный говор для дунганских масс» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 100об] (ориентация на «живой говор трудящихся масс» была общепринятым в СССР подходом). Проблема отражения фонетических тонов³ в дунганской письменности не была значимой, т.к. дунгане ранее уже практиковали запись своего языка арабскими буквами без тонов. Советский лингвист Б.А. Васильев считал, что тоны в дунганском языке вообще не играют решающей роли, и их нужно обозначать только тогда, «когда это является безусловно необходимым» [Васильев, 1931, с. 152–153]. (При разработке китайского латинизированного алфавита в СССР был принят аналогичный подход).

В итоге в 1928 г. был утвержден дунганский алфавит на «общесоветской» основе: а, в, с, с, d, e, э, f, g, h, i, j, ь, k, l, m, n, ъ, o, ө, p, q, r, s, ş, t, u, v, x, y, z, z (а также четыре диграфа: dz, ts, tş, uv) [Имазов, 1977, с. 8–9]. На момент его принятия, по мнению одного из руководителей ВЦК НТА Б.В. Чобан-Заде, этот алфавит считался «вполне научным и заслуживающим всяческого одобрения», а также отвечавшим «практическим требованиям... дунганских народных масс» [Чобан-Заде, 1928, с. 26].

Была поставлена задача к 1930 г. осуществить полный переход дунган на новый алфавит [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 307, л. 6об]. Однако затем планы немного сдвинулись (так, в Казахстане эту работу было указано закончить к 1 октября 1931 г. [Отчетный доклад, 1930, с. 27]). Была развернута широкая сеть школ и курсов для обучения взрослых, организованы курсы по подготовке дунганских учителей [Шинло, 1982, с. 112], впервые в мире – создано издательство на дунганском языке. В 1928–1932 гг. было выпущено 29 названий учебной

² В дунганском языке принято выделять два основных диалекта – ганьсуйский и шэньсийский (по названию провинций Китая). См.: [Завьялова, 2017, с. 21].

³ Использование «музыкальной» высоты тона в языке для различения или изменения слов.

и художественной литературы общим тиражом 62 тыс. экз. [Маджун, 2021, с. 48–49]. С 1931 г. в киргизской газете «Сабаттуу бол»⁴ стала выходить страница на дунганском языке, которая в 1932 г. была преобразована в отдельную газету «Дун Хуэшир» («Искра Востока») [Юсупов, 1977, с. 150].

ВТОРОЙ ЭТАП: РЕФОРМА 1932 ГОДА

В начале 1930-х гг. было принято решение о необходимости изменения еще лишь недавно утвержденного дунганского алфавита. Официально причиной такого шага объявили «торопливость» при его создании в 1928 г. [Чобан-Заде, 1928, с. 25], т.к. тогда дунганский язык в СССР еще не был в достаточной степени изучен. Из-за этого, как считалось, в алфавит закрались «недочеты и непоследовательности, требующие устранения» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 84]. Поэтому, как писал Б.А. Васильев, дунганскую письменность было «необходимо упорядочить и упростить» [Васильев, 1931, с. 150].

Главной проблемой, которая оказалась не решена (хотя в 1928 г. она не казалась значимой), была «унификация» дунганского алфавита. По принятой в СССР практике, вновь создаваемые в стране «латинизированные» графики должны были «унифицироваться» по одному стандарту, разработанному ВЦКНА. Дунгане, с одной стороны, обоснованно рассматривались как один из народов СССР. Поэтому разработанный для них алфавит и был принят в 1928 г. на «общесоветской» основе (кроме того, был взят курс на «советизацию» дунганского литературного языка, который, хотя и соответствовал ганьсуйскому диалекту, должен был «основываться на лексике колхозников» Киргизии) [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 90–91; д. 578, л. 39об].

Однако, с другой стороны, нельзя было упускать из виду и внешнеполитические обстоятельства: «дунганский фактор» был важен для оказания политического воздействия на Китай. Советские дунгане, несмотря на их малочисленность, являлись связующим звеном с этой страной, где проживала основная масса их соплеменников [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 20, 86], тем более что прилежавшие к границе СССР окраины Китая при отсутствии крепких связей с центром давно тяготели в культурном отношении к «русскому Туркестану» [Маджун, 2021, с. 46].

Осознание внешнеполитической важности «дунганского фактора» подкреплялось мнением, что дунганский язык – это один из вариантов (диалектов, наречий) китайского языка. Так считали многие советские лингвисты, вовлеченные в дунганское «языковое строительство», в том числе Б.А. Васильев, А.А. Драгунов и Е.Д. Поливанов. Даже противник унификации дунганского и китайского алфавитов С.А. Врубель отмечал, что «разница между китайским языком и языком дунган ни в какой степени не выносит их из пределов взаимопонимания и не создает каких-либо больших затруднений» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 82; д. 578, л. 27].

Соответственно, высокую политическую важность имел и разработанный в СССР дунганский алфавит, который мог сыграть свою роль в советском воздействии на Китай. Как было объявлено на заседании Научного совета ВЦК НТА в июне 1929 г., приняв дунганский алфавит, советские «латинизаторы» «вступили на китайскую территорию» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 43, л. 20]. Б.А. Васильев подчеркивал, что «опыт, проделанный в пределах СССР, будет иметь колоссальное значение и для зарубежного дунганского населения, и для Китая в целом» [Васильев, 1931, с. 150].

В этом аспекте нельзя также было проигнорировать принятый в СССР в 1931 г. китайский латинизированный алфавит. Изначально, по плану ВЦКНА, этот алфавит тоже

⁴ «Будь грамотным» (кирг.).

должен был «унифицироваться» с «общесоветским» стандартом [ГАРФ, ф. 3316, оп. 23, д. 19, л. 11] (как это было сделано с дунганским алфавитом). Однако в итоге было принято решение о необходимости «интернационализации» китайской письменности [Первая все-союзная конференция, 1932, с. 129], т.е. «унификации» ее с лингвистическими реалиями не СССР, а Китая, где советские ученые выявили исключительную роль английского языка [Алексеев, 1932, с. 68–69]. Поэтому для разработанного в СССР китайского алфавита было допущено «исключение из правил» в виде «английской»⁵, а не «общесоветской» основы (наличие только тех букв, которые имеются в английском алфавите, а также диграфов ch, zh, ng и sh). Как говорил советский лингвист Л.И. Жирков, китайский алфавит, созданный в СССР, «находился в исключительном, обособленном... положении» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 56], и, соответственно, имел принципиальные отличия от дунганского алфавита, принятого в 1928 г. на «общесоветской» основе.

Среди специалистов, вовлеченных в процесс разработки дунганского алфавита, стало распространяться мнение о необходимости его унификации с китайским и, соответственно, отказа от «общесоветской» основы [Васильев, 1931, с. 150; Драгунов, 1932, с. 33–34]. В начале 1930-х гг. дунганские активисты установили связь с группой специалистов, разрабатывавших в СССР китайский алфавит [Первая всесоюзная конференция, 1932, с. 126].

В марте 1932 г. в Москве при Научном совете ВЦКНА было организовано совещание с участием представителей Института востоковедения АН СССР и дунганской общественности, на котором в алфавит был внесен ряд изменений [Драгунов, 1932, с. 33]. Затем, по решению совещания и при поддержке Киргизского обкома ВКП(б), в июле 1932 г. во Фрунзе была созвана конференция [РГАСПИ, ф. 17, оп. 29, д. 42, л. 3–4], принявшая новый вариант дунганского алфавита: а, в, с, ç, d, e, ә, f, g, ɣ, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, ş, t, u, w, v, x, y, z, z, z, ь (диграфы были исключены) [Имазов, 1977, с. 9]. Новому алфавиту была дана высокая оценка (так, Л.И. Жирков отмечал, что он «принадлежит к числу наиболее удачно проработанных форм нового алфавита» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 3, 56об]), и было развернуто его широкое внедрение – с 1932 по 1938 гг. Киргизское и Казахское государственные издательства выпустили на дунганском языке около 100 учебников, художественных и научных книг общим тиражом более 150 тыс. экз. [Юсупов, 1977, с. 151].

Как видно, дунганский алфавит с китайским унифицирован не был, оставшись в рамках «общесоветского» стандарта. Конференция приняла решение о «преждевременности» унификации дунганского и китайского алфавита – прежде всего, потому что в Киргизии и Казахстане письменность титульных наций была создана по «общесоветскому» стандарту. Однако важность внешнеполитического воздействия на Китай с помощью «дунганского фактора» отбросить было нельзя, и поэтому было выработано обтекаемое, компромиссное решение, призванное «заморозить» споры вокруг унификации: «Новый дунганский алфавит должен быть построен так, чтобы в будущем, когда конкретные условия позволят, он мог бы быть положен в основу унифицированного китайского алфавита» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 99].

ТРЕТИЙ ЭТАП: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИЙ

Тем не менее сторонники безотлагательной унификации дунганского и китайского алфавита остались при своем мнении [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 56] и продолжали апеллировать к внешнеполитическому фактору. Председатель китайской секции Дальневосточного

⁵ Именно так именovali ее советские создатели китайского алфавита, утвержденного на конференции во Владивостоке в 1931 г.

комитета нового алфавита Мартынов обратился 25 июля 1933 г. в Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) с просьбой «разрешить унифицировать дунганский алфавит с новым китайским алфавитом (а не с ново-тюркским)», т.к. «дунгане – это 20 000 китайцев западного Китая, письменность которых должна быть ориентирована не на киргизско-казахское окружение, а на десятки миллионов китайцев провинций Синьцзян, Цинхай, Ганьсу, Шаньси и часть Шенси⁶, в которых мы имеем не прекращающийся рост революционного движения и тенденцию к распространению на запад советских районов». Мартынов отметил, что «эту же точку зрения разделяет и тов. Ван Мин (представитель Компартии Китая в ИККИ)» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 510, л. 5]. Действительно, важность советского воздействия на Китай непрерывно возрастала. В 1930-х гг. в прилегающем к среднеазиатским республикам СССР регионе Китая (Синьцзяне) происходили важные политические и военные события, в которых принимали участие соплеменники дунган – представители народа хуэй.

Дунганские активисты продолжали сохранять контакт с советскими разработчиками китайского алфавита. В сентябре 1932 г. Я. Шиваза принял участие в десятидневной конференции во Владивостоке, посвященной использованию латинского алфавита китайцами в СССР [Маджун, 2021, с. 48]. Дальневосточный комитет нового алфавита, в свою очередь, выражал желание работать в «дунганской сфере» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 510, л. 5].

Наконец, для решения накопившихся проблем в сфере дунганского «языкового строительства» в августе 1933 г. в Казахстан и Киргизию была направлена экспедиция Академии наук СССР и Дальневосточного комитета нового алфавита во главе с Н.И. Любыным. С участием членов экспедиции в том же месяце в Алма-Ате было созвано совещание дунганского актива Казахстана и Киргизии, «на котором был поставлен вопрос об унификации дунганского алфавита с китайским». Совещание вынесло решение с весьма странной формулировкой: «О точной унификации дунганского алфавита с китайским алфавитом, который точно унифицирован с латинизированным алфавитом» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 84–85]. В этой формулировке вновь виден «обходной маневр», имевший целью сформулировать некое «компромиссное решение» по проблеме, которую явно было невозможно решить.

Вопрос о дунганском алфавите вновь был поднят на специальном совещании, проведенном в декабре 1933 г. в Ленинграде. В нем приняли участие представители ВЦКНА и ученые-лингвисты: Д.А. Коркмасов, А.А. Драгунов, Л.Г. Башинджагян, Б.М. Гранде, А.Н. Генко и Я.П. Кошкин. Совещание пришло к выводу, что «вся национальная работа среди дунганских трудящихся, в частности работа по языковому строительству, должна ориентироваться не только» на дунган в СССР, «но и на основную массу дунганских трудящихся, живущих вне пределов этих республик». По этой причине было признано «совершенно необходимым унифицировать дунганский алфавит с новым китайским алфавитом». Совещание сослалось на опыт пересмотра дунганского алфавита в 1932 г., который открыл «возможность дальнейшей унификации» этого алфавита с китайским «путем простой технической замены одних букв другими», что не привело бы к недопустимой «ломке алфавита» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 94].

Однако противники «китаизации» дунганского алфавита сохраняли уверенность в абсолютной недопустимости ориентации на Китай и новый китайский алфавит [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 59]. Главным проповедником этой идеи оставался Научный совет ВЦКНА, который всегда жестко стоял за унификацию всех алфавитов (включая китайский [ГАРФ, ф. 3316, оп. 23, д. 19, л. 11; РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 510, л. 2]) по «общесоветским» стандартам. Еще одним основанием для такого подхода было мнение, что дунганский и китайский – это два разных языка, а «не диалекты одного языка», и «между дунганской

⁶ Так в тексте. Правильно – Шэньси.

письменностью и китайской имеются большие расхождения исторической традиции» (одна – была на арабском алфавите, другая – на иероглифах), а также что разработанный в СССР китайский алфавит на латинской основе «не может полностью передавать звуковые произношения дунганского языка» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 61, 76].

Таким образом, «продавливалась» точка зрения, что дунганский алфавит правильно унифицирован с другими «советскими» алфавитами – прежде всего, с казахским и киргизским, т.к. именно с казахами и киргизами дунгане живут «в непосредственном соседстве и хозяйственной связи... на советской территории». Были указаны и «технические» причины – «дунганские издания печатаются и будут в основной массе печататься в типографиях» Киргизии и Казахстана, «которые имеют уже комплекты шрифтов» нового казахского и киргизского алфавита [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 56об]. Таким образом, по мнению сторонников такого подхода, никакого пересмотра для принятого в 1932 г. дунганского алфавита не требовалось.

Было объявлено, что такой пересмотр – особенно, в сторону «дезунификации» с киргизским и казахским алфавитом – «может привести к дезорганизации культурной и политико-массовой работы». 17 октября 1933 г. участники заседания Научного совета ВЦКНА сделали вывод, что это повлекло бы для дунганских детей «затруднения в школе, где наряду с родным языком, преподается также язык республики», т.е. казахский или киргизский. 20 ноября того же года Казахский комитет нового алфавита призвал сохранить дунганский алфавит, принятый в 1932 г., т.к. в случае введения у дунган «двойных» («английских») букв китайского алфавита, это будет «представлять значительные затруднения при обучении грамоте взрослых и в школах», ведь в казахском и киргизском алфавитах таких букв – не было. Еще одним аргументом Научный совет ВЦКНА выдвигал то, что «частое изменение дунганского... алфавита задерживает практическую работу по вопросам нового алфавита и дискредитирует саму идею латинизации» в масштабах всей страны. Кроме того, в ноябре 1933 г. Казахский комитет отметил, что «все стабильные учебники на дунганском языке [уже] изданы на алфавите, утвержденном... в 1932 г.» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 59, 61, 76], и, соответственно, их переиздание на любом новом варианте алфавита потребовало бы ненужную трату времени, сил и материальных ресурсов.

В ответ на внешнеполитические доводы сторонников унификации дунганского и китайского алфавитов Казахский комитет заявил, что «принятый в СССР дунганский алфавит с успехом может быть применен и среди дунган, живущих в Китае, за что необходимо вести борьбу». Л.И. Жирков, поддерживая такую точку зрения, считал, что под созданный по «общесоветским» стандартам дунганский алфавит надо «подогнать» китайский алфавит, а не наоборот. В свою очередь, С.А. Врубель вообще выступал против контактов дунган с дальневосточными «латинизаторами» китайского алфавита: он считал «целесообразным посылку дунганских товарищей на учебу не на Дальний Восток, а в Москву или в Ленинград» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 56, 59, 76].

В 1934 г. в Москве были проведены дополнительные совещания по проблемам дунганского языка, а С.А. Врубель направлен в научную командировку в районы расселения дунган с целью выяснить состояние их «языкового строительства». В итоге победило мнение, чтобы оставить дунганский алфавит в имеющемся с 1932 г. виде [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 578, л. 27; д. 687, л. 3], т.е. на основе «общесоветских» стандартов.

Однако критика принятого в СССР дунганского алфавита сторонниками его «унификации» с китайским продолжалась. На совещании в ВЦКНА в марте 1936 г. А.А. Драгунов отметил недостатки дунганского алфавита: «Там имеются 5 букв с диакритическими знаками, и дунгане жалуются, что это их путает. Буквы слишком похожи друг на друга, слишком мало индивидуализированы, и это вызывает затруднения» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 811,

л. 22–23]. Е.Д. Поливанов в книге «Вопросы орфографии дунганского языка» (Фрунзе, 1937 г.) призвал «произвести более или менее серьезную реформу дунганской графики», в том числе «в сторону унификации с... китайским латинским алфавитом» [*Вопросы орфографии*, 1937, с. 25], разработанным в СССР.

Попутно с разных сторон звучала критика практики внедрения дунганского алфавита в Советском Союзе, в том числе претензии к деятельности ВЦКНА, которые исходили даже с самого высокого уровня: так, инструктор Президиума ЦИК СССР Мандельштам в докладной записке, составленной в мае 1936 г., отмечал, что «в 1935 г. ВЦКНА прошел мимо некоторых крупнейших вопросов», в том числе «об окончательном решении вопроса об алфавите для дунган» [*ЦК ВКП(б) и национальный вопрос*, 2009, с. 190]. Критика также звучала на местном уровне – например, со стороны Дальневосточного комитета нового алфавита [*РГАСПИ*, ф. 495, оп. 154, д. 510, л. 5], и исходила от ученых: по мнению С.А. Врубеля, даже к 1935 г. «дело развития дунганского литературного языка и письменности [было] поставлено исключительно скверно», находилось «в состоянии кустарничества» [*АРАН*, ф. 676, оп. 1, д. 578, л. 14, 16; д. 687, л. 3].

Критике подверглась выходящая на новом алфавите дунганская газета «Дун Хуэшир». Совещание дунганского актива Казахстана и Киргизии в августе 1933 г. постановило, что газета, «построенная по типу руководящей русской газеты, недостаточно ведет учебно-разъяснительную работу (в первую очередь, по терминологии и языку) и в результате слабо связана с массой и с трудом понимается ею». Тираж газеты достигал 1200 экз., «но, ввиду малого количества грамотных», ее мало читали. В 1934 г. С.А. Врубель по результатам командировки к дунганам сделал вывод, что эту газету вообще «никто не читает» [*АРАН*, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 21, 86; д. 578, л. 16].

Действительно, ликвидация неграмотности дунган на новом алфавите дала мало результатов. К 1933 г. было выявлено, что «новый латинизированный алфавит внедряется очень слабо». В Киргизии, где проживали около 8 тыс. дунган, «кроме работников издательства и школ и учащихся школ первой ступени, грамотных насчитывается не более 150 человек. Делопроизводство в дунганских с[ель]советах и колхозах везде ведется на русском языке, а в части – и на киргизском языке». В 1935 г. С.А. Врубель отметил, что «сдвиги в области усвоения латинизированного письма дунган мизерны», у них – «до сих пор поголовная неграмотность... на латинизированном письме». По его данным, за 5–6 лет ликвидировали неграмотность только 5–10% дунганского населения [*АРАН*, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 86; д. 578, л. 14, 16, 27]. Характерно, что слабыми были и результаты внедрения китайского латинизированного алфавита [Дацышен, 2008, с. 166–167]. В целом в СССР так и не удалось полностью перевести преподавание китайского языка на латиницу [*АРАН*, ф. 394, оп. 7, д. 28, л. 29об.]. Всё это не добавляло энтузиазма работе по внедрению нового дунганского алфавита.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП: ПОСТЕПЕННЫЙ ПЕРЕХОД К КИРИЛЛИЦЕ

Тем не менее сложившиеся во второй половине 1930-х гг. обстоятельства показали, что решение не пересматривать дунганский алфавит в сторону унификации с китайским с практической точки зрения оказалось правильным. Во-первых, дискуссии вокруг созданного в СССР китайского алфавита с 1935 г. перешли в столкновения с политическим оттенком, главной причиной чего предсказуемо стала ориентация этого алфавита не на «общесоветские», а на «иностранные» («английские») стандарты. Китайский алфавит, «выбивавшийся из колеи» остальной письменности, разработанной в СССР, не давал покоя сторонникам «советской унификации». В Наркомпросе РСФСР, который взял на себя

роль главного противника этого алфавита, был сделан вывод, что китайский алфавит на «английской основе» – это «громадная, грубейшая политическая ошибка» [ГАРФ, ф. 2306, оп. 70, д. 2550, л. 26; д. 2177, л. 34, 36].

Во-вторых, в СССР был взят «новый курс» в национальной политике, включавший внедрение концепции «советского патриотизма» и создания единой советской политической нации во главе с русским народом. Вследствие этого в стране была свернута программа «коренизации», ликвидированы национально-территориальные автономии низового уровня, многие национальные учебные заведения и пр.

Изменения затронули и отношение к дунганскому языку. Еще в начале процесса латинизации «некоторые работники говорили», что «нет необходимости [в создании] алфавита для малочисленных... дунган». В условиях сворачивания программы «коренизации» такой подход получил приоритет. На совещании в ВЦКНА «по вопросу о дунганском и китайском языковом строительстве» в ноябре 1935 г. известный советский лингвист Н.Ф. Яковлев заявил, что в отношении всего лишь «14 000 дунган» в СССР, «которые отчасти двуязычны, нельзя ставить широко о переводе на родной язык школы второй ступени». Он считал, что «вторая ступень должна быть переведена на местный господствующий язык», т.к. казахский или киргизский. Яковлев сделал вывод, что «получается несуразная вещь, что для 300 чел. школьников второй ступени будет издаваться вся литература» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 330, л. 83; д. 578, л. 38об] (т.е. многочисленные учебники и пр.) на малораспространенном дунганском языке. В рамках реализации такого подхода дунганские школы накануне Великой Отечественной войны перешли на обучение на русском языке [Очерки истории, 1967, с. 249]. Таким образом, была снижена внутривнутриполитическая значимость дунганского языка и, соответственно, нового дунганского алфавита.

Разработанный в СССР дунганский алфавит оказался мало применим и в международной сфере. По результатам поездки к дунганам в 1934 г. С.А. Врубель выявил, что у советских дунган «связь с зарубежными дунганями имеется» и «ведется как посредством устной, так и письменной передачи речи», однако «наиболее распространенный тип письма с зарубежными дунганями – арабское письмо», а не созданный в СССР алфавит. Переписка шла «путем транскрибирования дунганской речи арабским письмом», а также на киргизском, казахском и других языках – тоже арабским письмом, или при «помощи русского письма и китайских иероглифов, что бывает весьма редко». Врубель отмечал, что советское «латинизированное письмо зарубежным дунганам непонятно». Аналогичная ситуация складывалась в сфере литературного языка и терминологии, где отмечалось «разъединение здешних и зарубежных дунган», т.к. в СССР «создается литературный язык на базе местных языков, там – китайский литературный язык, здесь – широкое применение интернациональных терминов, там – перевод интернациональных терминов на китайский язык». Очевидно, ввиду такого положения и исходя из внешнеполитических интересов СССР, в 1936 г. ВЦКНА разрешил «пограничным, только частично живущим на территории Союза национальностям», в том числе дунганам и китайцам, «пользование их старым алфавитом» [АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 578, л. 27; д. 814а, л. 6], наряду с новой латинизированной письменностью.

Таким образом, разработка и внедрение в СССР дунганского алфавита в 1920-х – 1930-х гг. являются уникальным примером трансграничной реализации политики Советского государства в сфере языка и письменности. Дунгане были признаны одним из народов СССР и одновременно, несмотря на их малую численность, играли значительную внешнеполитическую роль как связующее звено с Китаем. Такое положение привело к коллизии в советской политике – был взят курс на «советизацию» дунганского языка и письменности и одновременно рассматривалась возможность их использования для воздействия на обстановку в сопредельном Китае, где проживала основная масса их соплеменников.

Противоречивость подходов к дунганскому языку и алфавиту проявила себя в постоянных попытках советских структур, занимавшихся «языковым строительством», удержать баланс между внутривнутриполитическими и внешнеполитическими целями. Это привело к метаниям между необходимостью «общесоветской» унификации дунганского алфавита (дунгане живут среди киргизов и казахов) и сближения его с китайским алфавитом, разработанным в СССР не на «общесоветской», а на «английской» основе.

Однако эти метания фактически не закончились каким-либо результатом. В 1930-х гг. в Азиатско-Тихоокеанском регионе осложнилась международная обстановка. По этой причине, а также в рамках нового курса советской национальной политики, китайское население в СССР, в основной массе являвшееся трудовыми мигрантами, не имевшими советского гражданства, было признано «неблагонадежным». В конце 1937 г. состоялись первые массовые аресты китайцев во Владивостоке. В июне 1938 г. началось выселение китайской диаспоры с Дальнего Востока [Маленкова, 2014, с. 130]. К счастью, дунганская участь миновала, хотя они проживали в приграничных с Китаем районах. Тем не менее изменение политики по отношению к китайцам привело и к окончательному отказу от унификации дунганского и китайского алфавитов.

В то же время к концу 1930-х гг. в СССР потеряла актуальность и проблема латинизации письменности – был взят курс на постепенный откат от нее и на кириллизацию уже латинизированных алфавитов. В июле 1937 г. ВЦКНА был распушен, а его руководство репрессировано. До начала Великой Отечественной войны дунганский алфавит на основе кириллицы разработать не успели, и дунгане применяли латинизированный алфавит до 1953 г., когда был принят новый кириллический алфавит: а, б, в, г, д, е, ё, э, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ы, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я [Реформатский, 1953, с. 129, 132], которым этот народ пользуется до сих пор.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АРАН – Архив Российской академии наук [*ARAN* – Archive of the Russian Academy of Sciences].

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации [*GARF* – State Archive of the Russian Federation].

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории [*RGASPI* – Russian State Archive of Socio-Political History].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев В.М. *Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация*. Л.: Издательство АН СССР, 1932 [Alekseev V.M. *Chinese Hieroglyphic Writing and its Latinization*. Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1932 (in Russian)].

Васильев Б.А. Дунгане. *Культура и письменность Востока*. 1931. № 7–8. С. 141–164 [Vasilyev B.A. Dungans. *Culture and Writing of the East*. 1931. No. 7–8. Pp. 141–164 (in Russian)].

Вопросы орфографии дунганского языка: Сборник статей. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1937 [Issues of Dungan Orthography: Collection of Articles. Frunze: Kirgizgosizdat, 1937 (in Russian)].

Дацышен В.Г. Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке. *Россия и АТР*. 2008. № 3. С. 160–169 [Datsyshen V.G. The Movement for the Latinization of the Chinese Writing and the Development of the Chinese School System in the Soviet Far East. *Russia and the Pacific*. 2008. No. 3. Pp. 160–169 (in Russian)].

Драгунов А.А. Дунганский алфавит. *Революция и письменность*. 1932. № 1–2. С. 33–37 [Dragunov A.A. The Dungan Alphabet. *Revolution and Writing*. 1932. No. 1–2. Pp. 33–37 (in Russian)].

Завьялова О.И. Язык и культура китайских мусульман-хуэйцзу. *Дунгане: история и культура: Российские дореволюционные работы о дунганах*. М.: Наука, 2017. С. 7–37 [Zavyalova O.I. Language

and Culture of the Chinese Muslims – Huizu. *Dungans: History and Culture. Russian Pre-Revolutionary Works on Dungans*. Moscow: Nauka, 2017. Pp. 7–37 (in Russian)].

Имазов М.Х. *Орфография дунганского языка*. Фрунзе: Илим, 1977 [Imazov M.H. *The Orthography of the Dungan Language*. Frunze: Ilim, 1977 (in Russian)].

Калимов А. А.А. Драгунов – основоположник дунганского языкознания. *Разыскания по общему и китайскому языкознанию*. М.: Наука, 1980. С. 121–126 [Kalimov A. A.A. Dragunov – The Founder of Dungan Linguistics. *Studies on General and Chinese Linguistics*. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 121–126 (in Russian)].

Маджун Д.С. Роль Е.Д. Поливанова в разработке дунганской письменности. *Свободная дискуссия о языке и динамике развития языковых процессов: Материалы международной научной конференции*. Бишкек, 2021. С. 46–52 [Madzhun D.S. The Role of E.D. Polivanov in the Development of Dungan Writing. *Free Discussion about Language and the Dynamics of the Development of Language Processes: Materials of the International Academic Conference*. Bishkek, 2021. Pp. 46–52 (in Russian)].

Маленкова А.А. Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 4. С. 120–136 [Malenkova A.A. The Policy of the Soviet Authorities towards the Chinese Diaspora in the Soviet Far East, 1920s – 1930s. *Far Eastern Studies*. 2014. No. 4. Pp. 120–136 (in Russian)].

Отчетный доклад Центрального комитета нового казакского алфавита на IV пленуме Всесоюзного ЦК нового тюркского алфавита. Алма-Ата: КЦКНА, 1930 [Report of the Central Committee for the New Kazakh Alphabet at the IV Plenum of the All-Union Central Committee for the New Turkic Alphabet. Alma-Ata: KTsKNA, 1930 (in Russian)].

Очерки истории советских дунган. Под ред. М. Сушанло и Г.Г. Стратановича. Фрунзе: Илим, 1967 [Essays on the History of Soviet Dungans. M. Sushanlo, G.G. Stratanovich (eds.). Frunze: Ilim, 1967 (in Russian)].

Первая всесоюзная конференция по латинизации китайской письменности. *Революция и письменность*. 1932. № 1–2. С. 124–135 [The First All-Soviet Conference on the Latinization of Chinese Writing. *Revolution and Writing*. 1932. No. 1–2. Pp. 124–135 (in Russian)].

Реформатский А.А. Новый дунганский алфавит. *Вопросы языкознания*. 1953. № 5. С. 129–132 [Reformatzsky A.A. The New Dungan Alphabet. *The Issues of Linguistics*. 1953. No. 5. Pp. 129–132 (in Russian)].

Стенографический отчет 2 пленума ВЦК НТА. Баку: ВЦК НТА, 1929 [Verbatim Report of the 2nd Plenum of the VCC NTA. Baku: VTsK NTA, 1929 (in Russian)].

ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009 [Central Committee of All-Union Communist Party(b) and the Ethnic Question. Comp. L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. Book 2. 1933–1945. Moscow: ROSSPEN, 2009 (in Russian)].

Чобан-Заде Б. Итоги унификации алфавитов тюрко-татарских народов. *Культура и письменность Востока*. Кн. III. Баку: ВЦК НТА, 1928. С. 18–34 [Choban-Zade B. Results of Unification of the Alphabets of the Turkic-Tatar Peoples. *Culture and Writing of the East*. Book III. Baku: VTsK NTA, 1928. Pp. 18–34 (in Russian)].

Шинло Л.Т. *Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте дунган*. Фрунзе: Илим, 1982 [Shinlo L.T. *Socialist Transformations in the Economy, Culture and Daily Life of Dungans*. Frunze: Ilim, 1982 (in Russian)].

Юсупов И.И. *Советские дунгане в период строительства социализма*. Фрунзе: Илим, 1977 [Yusupov I.I. *Soviet Dungans during the Construction of Socialism*. Frunze: Ilim, 1977 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Синицын Фёдор Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Fedor L. Sinitsyn, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.